

Максимилиан Александрович Волошин

**Полное собрание
стихотворений**

Максимилиан Александрович Волошин

Полное собрание стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176044

Аннотация

«... Стихи М. Волошина не столько признания души, сколько создания искусства; это – литература, но хорошая литература. У М. Волошина вовсе нет непосредственности Верлена или Бальмонта; он не затем слагает свои строфы, чтобы выразить то или иное, пережитое им чувство, но его переживания дают ему материал, чтобы сделать в стихах тот или иной опыт художника. Он не слагает стихов, как иные поэты, лишь затем, чтобы рассказать, что в такую-то минуту было ему грустно или весело, что тогда-то он видел перед собою закат или восход солнца, море или снежную равнину. М. Волошин никогда не забывает о читателе и пишет лишь тогда, когда ему есть что сказать или показать читателю нового, такого, что еще не было сказано или испытано в русской поэзии. ...» (В. Брюсов)

Содержание

Годы странствий	8
I. Годы странствий	8
Пустыня	8
В вагоне	11
Кастаньеты	13
Via mala	15
Тангейзер	15
Венеция	16
На Форуме	18
Акрополь	19
Париж	20
Диана де Пуатье	30
В цирке	31
Рождение стиха	32
«К твоим стихам меня влечет не новость...»	33
«Концом иглы на мягком воске...»	34
«К этим гулким морским берегам...»	35
«Эти страницы – павлинье перо...»	35
«Небо запуталось звездными крыльями...»	36
Когда время останавливается	37
II. Amori Arasacrum[3]	42
«Я ждал страданья столько лет...»	42

«О, как чутко, о, как звонко...»	43
«Спустилась ночь. Погасли краски...»	43
Портрет	44
«Пройдемте по миру, как дети...»	45
«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»	45
Письмо	46
Старые письма	59
Таиах	59
«Если сердце горит и трепещет...»	61
«Мы заблудились в этом свете...»	62
Зеркало	63
«Мир закутан плотно...»	64
«Небо в тонких узорах...»	65
«Эта светлая аллея...»	66
«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»	67
Второе письмо	68
В мастерской	71
Вослед	72
«Как Млечный Путь, любовь твоя...»	73
In mezza di sammin...	74
Ш. Звезда Полынь	76
«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»	76
«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»	77

Кровь	77
Сатурн	78
Солнце	79
Грот нимф	80
Руанский собор	81
Гностический гимн Деве Марии	88
Киммерийские сумерки	91
«Зеленый вал отпрянул и пугливо...»	103
«Вещий крик осеннего ветра в поле...»	103
«Священных стран вечерние экстазы...»	104
Осенью	105
«Над горестной землей – пустынной и огромной...»	107
«Возлюби просторы мгновенья...»	109
IV. Алтари в пустыне	111
«Станет солнце в огненном притине...»	111
Κλητιχοί[9]	112
Дэлос	113
Дельфы	115
Призыв	117
Полдень	118
«Сердце мира, солнце Алкиана...»	119
Созвездия	120
Она	121
Corona Astralis[10]	123
Венок сонетов	124

Selva Oscura[11]	136
I. Блуждания	136
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	136
«Судьба замедлила сурово...»	137
«Себя покорно предавая сжечь...»	137
«С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы...»	138
«Пурпурный лист на дне бассейна...»	139
«В неверный час тебя я встретил...»	140
«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»	141
«Обманите меня... Но совсем, навсегда...»	142
«Мой пыльный пурпур был в лоскутках...»	142
«Я к нагорьям держу свой путь...»	143
«„К тебе я пришел через воды...“	144
«Я глазами в глаза вникал...»	145
«Я быть устал среди людей...»	146
«Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»	147
«Ступни горят, в пыли дорог душа...»	147
«И было так, как будто жизни звенья...»	148
«Я, полуднем объятый...»	149
«Дети солнечно-рыжего меда...»	149
Надписи	150
«Я верен темному завету:...»	151
«Замер дух – стыдливый и суровый...»	152
Пещера	153

Материнство	154
«Отроком строгим бродил я...»	156
«Склоняясь ниц, оваян ночи синью...»	157
II. Киммерийская весна	159
«Моя земля хранит покой...»	159
«Седым и низким облаком дол повит...»	159
«К налогам гор душа влекома...»	160
«Солнце! Твой родник...»	161
«Звучит в горах, весну встречая...»	161
«Облака клубятся в безднах зеленых...»	162
«Над синевой зубчатых чащ...»	163
«Сквозь облак тяжелые свитки...»	164
«Опять бреду я босоногий...»	164
«Твоей тоской душа томима...»	165
«Заката алого заржавели лучи...»	166
«Ветер с неба ключья облак вытер...»	166
Карадаг	167
«Преградой волнам и ветрам...»	167
«Над черно-золотым стеклом...»	168
«Как в раковине малой – Океана...»	169
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Максимилиан Волошин

Полное собрание стихотворений

Годы странствий
Стихотворения 1900–1910

I. Годы странствий

Якову Александровичу Глову

*...И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...*

Пустыня

Монмартр... Внизу ревет Париж –
Коричневато-серый, синий...

Уступы каменных крыш
Слились в равнины темных линий.
То купол зданья, то собор
Встает из синего тумана.
И в ветре чувствуется простор
Волны соленой океана...
Но мне мерещится порой,
Как дальних дней воспоминанье,
Пустыни вечной и немой
Ненарушимое молчанье.
Раскалена, обнажена,
Под небом, выцветшим от зноя,
Весь день без мысли и без сна
В полубреду лежит она,
И нет движенья, нет покоя...
Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы желтых линий.
Миражи бледные встают –
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мертвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни.

Царевна в сказке, – словом властным

Степь околдованная спит,
Храня проклятой жабы вид
Под взглядом солнца, злым и страстным.
Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката –
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит – и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям.
Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей:
Забывших дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища.
И тлеет медленно закат,
Усталый конь бодрее скачет,
Копыта мерно говорят,
Степной джюсан звенит и плачет.
Пустыня спит, и мысль растет...
И тихо всё во всей Пустыне:
Широкий звездный небосвод
Да аромат степной полыни...

1901

Ташкент – Париж

В вагоне

Снова дорога. И с силой магической
Всё это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес.
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Всё стучит.
Ти-та... то-та...
Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит и стучит это:
Ти-та-та, та-та-та... та-та-та... ти-та-та...
Мысли с рыданиями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...

Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприятная, темная.
Станция в поле... Огни ее –
Глазки усталые, томные –
Шепчут: «Иди...»
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито – отжито. Вынуто – выпито...
Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Чудится степь бесконечная...
Поезд по степи идет.
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная.
Скользкие стены вагонов
Дождик сечет.
Песенкой этой всё в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Странником вечным
В пути бесконечном

Странствуя целые годы,
Вечно стремлюсь я,
Верую в счастье,
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет далекою Русью.
Мысли с рыданиями ветра сплетаются,
С шумом колес однотонным сливаются,
И безнадежно звучит и стучит это:
Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Май 1901

В поезде между Парижем и Тулузой

Кастаньеты

Е. С. Кругликовой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, –
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;

В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий,
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно щелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Июль 1901

Mallorca. Valdemosa.

Via mala

Там с вершин отвесных
Ледники сползают,
Там дороги в тесных
Щелях пролегают.
Там немые кручи
Не дают простору,
Грозовые тучи
Обнимают гору.
Лапы темных елей
Мяжки и широки,
В душной мгле ущелий
Мечутся потоки.
В буйном гневе свирепя,
Там грохочет Рейн.
Здесь ли ты жила, о фея –
Раутенделейн?

1899

Тузис

Тангейзер

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,

Проклинает мир прекрасный
Светлых эллинских богов.
Гордый лик богини гневной.
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома...
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный
Примирающий напев.
И чуть слышен вздох органа
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый
Умирающих лучей.

1901

Андорра

Венеция

Резные фасады, узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья, –
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

1902, 1910

На Форуме

Арка... Разбитый карниз,
Своды, колонны и стены.
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышается ростра,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро.
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье.
Зной неподвижных лучей,
Струйки немолчное пенье.
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
Очерки царственных пиний.
Вечер... И форум молчит.
Вижу мерцанье зари я.
В воздухе ясном звучит:
Ave Maria!

1900

Рим

Акрополь

Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усеченный холм – Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжелых Пропилей,
И за грудами камней,
В сетке легких синих теней,
Искры мраморных аллей.
Небо знойно и бездонно –
Веет синим огоньком.
Как струна, звенит колонна
С ионийским завитком.
За извилами Кефиза
Заплелись уступы гор
В рыже-огненный узор...
Луч заката брызнул снизу...
Над долиной сноп огней...
Рдеет пламенем над ней он –
В горне бронзовых лучей
Загорелый Эрехтейон...
Ночь взглянула мне в лицо.
Черны ветви кипариса.
А у ног, свернув кольцо,
Спит театр Диониса.

1900

Афины

Париж

1. С Монмартра

Город-Змей, сжимая звенья,
Сыпет искры в алый день.
Улиц тусклые каменя
Синевой прозрачит тень.
Груды зданий как кристаллы;
Серебро, агат и сталь;
И церковные порталы,
Как седой хрусталь.
Город бледным днем измучен,
Весь исчерчен тьмой излучин,
И над ним издалека —
По пустыням небосклона,
Как хоругви, как знамена,
Грозовые облака...
И в пространство величаво,
Властной музыкой звуча,
Распростерлись три луча,
Как венец...

(Твой образ – Слава!)
И над городом далече
На каштанах с высоты,
Как мистические свечи,
В небе теплятся цветы...

1904–1905

2. Дождь

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя
Всё быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...

В проносящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

«Февраль 1904»

3

Как мне близок и понятен
Этот мир – зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

⟨1902⟩

4

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером – это цвет

Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

⟨1902⟩

5

Огненных линий аккорд,
Бездну зеркально-живую,
Ночью Place la Concorde¹,
Ночью дождливой люблю я.
Зарево с небом слилось...
Сумрак то рдяный, то синий,
Бездны пронзенной насквозь
Нитями иглистых линий...
В вихре сверкающих брызг,
Пойманных четкостью лака,
Дышит гигант – Обелиск
Розово-бледный из мрака.

⟨1903–1904⟩

¹ Площадь Согласия (фр.)

6

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линиялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод...
Огни плясали меж волнами...
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей...

Лето 1904

На Сене близ Мэдона

7

Анне Ник. Ивановой

В серо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.

Между мхом и травой мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдками
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы.
По озерам прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей.

«2 июля 1905»

В Булонском лесу

8

На старых каштанах сияют листья,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острую грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью!

1905

9

В молочных сумерках за сизой пеленой

Мерцает золото, как желтый огонь в опалах.
На бурый войлок мха, на шелк листов опалых
Росится тонкий дождь, осенний и лесной.

Сквозящих даль аллея струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линияло-алых,
Сквозь окна вечера синее свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна,
Орозовил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, златые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

10

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты –
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток всё тех же лиц – одних, без перемен,

Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную, и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб – сквозь дождь издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

1909

11

Адел. Герцык.

Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе – пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

1909

Диана де Пуатье

Над бледным мрамором склонились к водам низко
Струи плакучих ив и нити бледных верб.
Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана-Одалиска.

Богиня строгая, с глазами василиска,
Над тронем Валуа воздвигла ты свой герб,
И в замках Франции сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе, среди охотниц-нимф
По паркам ты идешь, волшебный свой заимф
На шею уронив Оленя-Актеона.

И он – влюбленный принц, с мечтательной тоской
Глядит в твои глаза, владычица! Такой
Ты нам изваяна на мраморах Гужона.

1907

В цирке

Андрею Белому

Клоун в огненном кольце...
Хохот мерзкий, как проказа,
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощечин.

Как огонь, подвижный круг.
Люди – звери, люди – гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Всё крикливо, всё пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро.

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой

Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

1903

Москва

Рождение стиха

Бальмонту

В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там вьются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинные,
Протяжно-певучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу всё стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучии.
Из недра сознания, со dna лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...

И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

1904

Париж

**«К твоим стихам меня
влечет не новость...»**

Балтрушайтису

К твоим стихам меня влечет не новость,
Не яркий блеск огней:
В них чудится унылая суровость
Нахмуренных бровей.

В них чудится седое безразличье,
Стальная дрема вод,
Сырой земли угрюмое величье
И горько сжатый рот.

1903

Москва

«КОНЦОМ ИГЛЫ НА МЯГКОМ ВОСКЕ...»

Графине Софье И. Толстой

Концом иглы на мягком воске
Я напишу твои черты:
И индевеющие блесстки
Твоей серебряной фаты,

И взгляд на всё разверстый внове,
И оттененный тонко нос,
И тонко выгнутые брови,
И пряди змейных, тонких кос,

Извив откинутого стана,
И нити темно-синих бус,
Чувяки синего сафьяна
И синий шелковый бурнус.

А сзади напишу текучий,
Сине-зеленый, пенный вал,
И в бирюзовом небе тучи,
И глыбы красно-бурых скал.

1909

Коктебель

«К этим гулким морским берегам...»

Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликам ветра и голосу моря...

Май 1909

Коктебель

«Эти страницы – павлинье перо...»

На книге Лафорга

Эти страницы – павлинье перо, –
Трепет любви и печали.
Это больного Поэта-Пьеро
Жуткие salto-mortale.

«Небо запуталось звездными крыльями...»

Ол. Серг. Муромцевой

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы.

Чу! по оврагам лесным – буераками
Рвется охота... и топот и звон.
Ночью по лесу, гонимый собаками,
Мчится влюбленный Олень-Актеон.

Ходит туман над росистой поляною.
Слабо мерцает далекий ледник.
К красной сосне, словно черную затканую,
Кто-то горячей щекою приник.

Грустная девочка – бледная, страстная.
Складки туники... струи серебра...
Это ли ночи богиня прекрасная –
Гордого Феба сестра?

Топот охоты умолк в отдалении.
Воют собаки, голодны и злы.
Гордость... и жажда любви... и томление...
По лесу полосы света и мглы.

1902

Париж

*Allée d'Observatoire*²

Когда время останавливается

1

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.

Ключья тумана – вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья.

² Аллея Обсерватории (фр.)

Лампу Психеи несу я в руке –
Синее пламя познания.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смешались.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

Июнь 1904

2

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,
Дымом кадилльным стелиться вдали.
Разум запутался в траурных складках,
Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны,
Неосвязаемо близки впотьмах.
Память – неверная нить Ариадны –
Рвется в дрожащих руках.

Время свергается в вечном паденьи,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья –
Смерть и Рожденье – вся нить бытия.

Июль 1905

3

И день и ночь шумит угрюмо,
И день и ночь на берегу
Я бесконечность стерегу
Средь свиста, грохота и шума.

Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность,
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины.

1903

4

Валерию Брюсову

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,

Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

Да, я помню мир иной –
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским –
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!

Вечность с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примирающих небес.

Мне так радостно и ново
Всё обычное для вас –
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.
Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов –
Мир души, одетый в платье
Из священных, лживых слов.
Гармонично и поблекло
В них мерцает мир вещей,
Как узорчатые стекла
В мгле готических церквей...
В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить. –

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

1903

Коктебель

II. Amori Arasacrum³

Маргарите Васильевне Сабашниковой

«Я ждал страдания столько лет...»

Я ждал страдания столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвила вокруг сердца, как запястье.

Желанный луч с собой принес
Такие жгучие, мучительные ласки.
Сквозь влажную лучистость слез
По миру разлились невиданные краски.

И сердце стало из стекла,
И в нем так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».

Декабрь 1903

Москва

³ Святая горечь любви (*лат.*).

«О, как чутко, о, как звонко...»

О, как чутко, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познания
Привели меня назад...

1903»

«Спустилась ночь. Погасли краски...»

Спустилась ночь. Погасли краски.
Сияет мысль. В душе светло.
С какую силой ожило
Всё обаянье детской ласки,
Поблекший мир далеких дней,
Когда в зеленой мгле аллея
Блуждали сны, толпились сказки,
И время тихо, тихо шло,
Дни развивались и свивались,
И всё, чего мы ни касались,
Благоухало и цвело.

И тусклый мир, где нас держали,
И стены пасмурной тюрьмы
Одною силой жизни мы
Перед собою раздвигали.

«Май 1902»

Портрет

Я вся – тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквях, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, –

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903

Москва

«Пройдемте по миру, как дети...»

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок – непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

1903

«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,

Всё воспринять и снова воплотить.

1904

Париж

Письмо

1

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он как вечер тих,
Как стих «Онегина» прозрачен,
Порою слаб, порой удачен,
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны,
Становится невольно ближе.
В туманах памяти отсель
Поет знакомый ригурнель.

2

Вот цепь промчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать:
И робость медленных движений,
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И Вашу шляпку с васильками,
Покатость Ваших детских плеч,
И Вашу медленную речь,
И платье цвета эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Что у статуи Таиах,
Царицы древнего Египта,
И в глубине печальных глаз –
Осенний цвет листвы – топаз.

3

Рассвет. Я только что вернулся.
На веках – ночь. В ушах – слова.
И сон в душе, как кот, свернулся...
Письмо... От Вас?
Едва-едва

В неясном свете вижу почерк –
Кривых каракуль смелый очерк.
Зажег огонь. При свете свеч
Глазами слышу Вашу речь.
Вы снова здесь? О, говорите ж.
Мне нужен самый звук речей...
В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

4

Гляжу в окно сквозь воздух мгlistый.
Прозрачна Сена... Тюильри...
Монмартр и синий, и лучистый.
Как желтый жемчуг – фонари.
Хрустальный хаос серых зданий...
И аромат воспоминаний,
Как запах тлеющих цветов,
Меня пьянит. Чу! Шум шагов...
Вот тяжелой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...
Донесся дальний гул народа;
В провалах улиц мгла и тишь.

То день идет... Гудит Париж.

5

Для нас Париж был ряд преддверий
В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий.
Как мутно-серый океан,
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались, как во сне,
Его ласкающей волне.
Мгновенья полные, как годы...
Как жезл сухой, расцвел музей...
Прохладный мрак больших церквей...
Орган... Готические своды...
Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц...

6

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье

Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

7

Здесь всё теперь воспоминанье,
Здесь всё мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.

Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.

8

И всё мне снится день в Версале,
Тропинка в парке между туй,
Прозрачный холод синей дали,
Безмолвье мраморных статуй,
Фонтан и кони Аполлона.
Затишье парка Трианона,
Шероховатость старых плит, –
(Там мрамор сер и мхом покрыт).
Закат, как отблеск пышной славы
Давно отшедшей красоты,
И в вазах каменных цветы,
И глыбой стройно-величавой –
Дворец: пустынных окон ряд
И в стеклах пурпурный закат.

9

Я помню тоже утро в Hall'e,
Когда у Лувра на мосту

В рассветной дымке мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистые стены,
Капуста, словно сгустки пены,
«Как солнца» тыквы и морковь,
Густые, черные, как кровь,
Корзины пурпурной клубники,
И океан живых цветов –
Гортензий, лилий, васильков,
И незабудок, и гвоздики,
И серебристо-сизый тон,
Обнявший нас со всех сторон.

10

Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
И шелест ног, и пыльный свет.
Для нас был Грёз смешон и сладок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше – изящный, тонкий, лживый,
Шарден – интимный и простой,
Коро – жемчужный и седой,

Милле – закат над желтой нивой,
Веселый лев – Делакруа,
И в Saint-Germain l'Auxerrois –

11

Vitreaux⁴ – камней прозрачный слиток:
И аметисты, и агат.
Там, ангел держит длинный свиток,
Вперяя долу грустный взгляд.
Vitreaux мерцают, точно крылья
Вечерней бабочки во мгле...
Склоняя голову в бессильи,
Святая клонится к земле
В безумьи счастья и экстаза...
Tete Inconnue⁵! Когда и кто
Нашел и выразил в ней то
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней,
Как и в Джоконде, но сильней?

⁴ Витражи (*фр.*).

⁵ Голова неизвестной (*фр.*).

12

Леса готической скульптуры!
Как жутко всё и близко в ней.
Колонны, строгие фигуры
Сибилл, пророков, королей...
Мир фантастических растений,
Окаменелых привидений,
Драконов, магов и химер.
Здесь всё есть символ, знак, пример.
Какую повесть зла и мук вы
Здесь разберете на стенах?
Как в этих сложных письменах
Понять значенье каждой буквы?
Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч...
Закрота дверь. Потерян ключ.

13

Мир шел искать себе обитель,
Но на распутьи всех дорог
Стоял лукавый Соблазнитель.
На нем хитон, на нем венок,
В нем правда мудрости звериной:

С свиной улыбкой взгляд змеиный.
Призывно пальцем щелкнул он,
И мир, как Ева, соблазнен.
И этот мир – Христа Невеста –
Она решилась и идет:
В ней всё дрожит, в ней всё поет,
В ней робость и бесстыдство жеста,
Желанье, скрытое стыдом,
И упоение грехом.

14

Есть беспощадность в примитивах.
У них для правды нет границ –
Ряды позорно некрасивых,
Разоблаченных кистью лиц.
В них дышит жизнью каждый атом:
Фуке – безжалостный анатом –
Их душу взял и расчленил,
Спокойно взвесил, осудил
И распял их в своих портретах.
Его портреты казнь и месть,
И что-то дьявольское есть
В их окружающих предметах
И в хрящеватости ушей,
В глазах и в линии ноздрей.

15

Им мир Рэдона так созвучен...
В нем крик камней, в нем скорбь земли,
Но саван мысли сер и скучен.
Он змей, свернувшийся в пыли.
Рисунок грубый, неискusstный...
Вот Дьявол – кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?»
– Здесь цели нет...
Струится мрак и шепчет что-то,
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает бледное лицо
Средь ядовитого болота,
И солнце, черное как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.

16

Как горек вкус земного лавра...
Родэн навеки заковал
В полубезумный жест Кентавра

Несовместимость двух начал.
В безумьи заломивши руки,
Он бьется в безысходной муке,
Земля и стонет и гудит
Под тяжелой судоргой копыт.
Но мне понятна беспредельность,
Я в мире знаю только цельность,
Во мне зеркальность тихих вод,
Моя душа как небо звездна,
Кругом поет родная бездна, –
Я весь и ржанье, и полет!

17

Я поклоняюсь вам, кристаллы,
Морские звезды и цветы,
Растенья, раковины, скалы
(Окаменелые мечты
Безмолвно грезящей природы),
Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать-Земля и Царь-Огонь!
Я духом Бог, я телом конь.
Я чую дрожь предчувствий вещей,
Я слышу гул идущих дней,
Я полон ужаса вещей,
Враждебных, мертвых и зловещих,

И вызывают мой испуг
Скелет, машина и паук.

18

Есть злая власть в душе предметов,
Рожденных судоргой машин.
В них грех нарушенных запретов,
В них месть рабов, в них бред стремнин.
Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платья, книги,
И не спасется ни один
От власти липких паутин.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у берега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

Май 1904

Париж

Старые письма

А. В. Гольштейн

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов.

Я люблю узорный почерк –
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.

Мне так близко обаянье
Их усталой красоты...
Это деревья Познанья
Облетевшие цветы.

⟨1904⟩

Таиах

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!

Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предраассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Всё, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...

Ты ведь знала: я – Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем.
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царевне Таиах.

Весна 1905

Париж

«Если сердце горит и трепещет...»

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна... –
Горе! Горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна.

В нас весенняя ночь трепетала,
Нам таинственный месяц сверкал...
Не меня ты во мне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал.

Нас палящая жажда сдружила,
В нас различное чувство слилось:
Ты кого-то другого любила,
И к другой мое сердце рвалось.

Запрокинулись головы наши,
Опьянились мы огненным сном,
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

1905

Париж

«Мы заблудились в этом свете...»

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке

Лепечет имя Эвридики.

Весна 1905

Париж

Зеркало

Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, –
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, –
Не прерывай рождающейся муки»...

И вновь приходит день с обычной суетой,

И бледное лицо лежит на дне – глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затынет око!

Лето 1905

Париж

«Мир закутан плотно...»

Мир закутан плотно
В сизый саван свой –
В тонкие полотна
Влаги дождевой.

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

С грустью принимаю
Тягу древних змей:
Медленную Майю
Торопливых дней.

Затерявшись где-то,
Робко верим мы
В непрозрачность света
И прозрачность тьмы.

Лето 1905

Париж

«Небо в тонких узорах...»

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь,
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту черную пасть,
Робким сердцем приникнуть,
Чутким ухом припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда...
«Знаю... знаю... всё знаю», –
Шепчет вода.

Ночь темна и беззвездна.
Кто-то плачет во сне,

Опрокинута бездна
На водах и во мне...

Лето 1905

Париж

«Эта светлая аллея...»

Эта светлая аллея
В старом парке – по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.

Весь прозрачный – утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.

Час таинственных наитий.
Он уходит в глубь аллея,
Точно струн, касаясь нитей
Серебристых тополей.

Кто-то вздрогнул в этом мире.
Щебет птиц. Далекий ключ.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч.

Всё распалось. Мы приидем
Снова в мир, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.

Лето 1905

Париж

«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные, и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность!..
Как медленно текут расплавленные дни...

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

1905

Париж

Второе письмо

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист.
Хрустальный день пылал так ярко,
И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле,
Где пел фонтан в зеленой мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллея
И величаво и уютно.
Синела даль. Текла река.
Душа, как воды, глубока.

И наших ног касалась влажно
Густая, цепкая трава;
В душе и медленно, и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.

И, смутным оком глядя вдаль,
Ты говорила:
«Смерть сурово
Придет, как синяя гроза.
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: «Ты готова?»
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.
Какая темная обида
Меня из бездны извлекла?
Я здесь брожу как тень Аида,
Я не страдала, не жила...
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,
Чтобы понять язык людей.
Печален сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто здесь поставит ей межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта.
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил, тех не примет смерть».

Как этот день теперь далёко
С его бескрылою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарей.
Он был как вещей сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей,

Непробудившейся души.
И тайны в утренней тиши
Свершались:

*«Некий встал с востока
В хитоне бледно-золотом,
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи.
Он встретил их и ослепил,
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну ночи».*

И, трепеща, необычайны,
Горе мы подняли сердца
И причастились страшной Тайны
В лучах пылавшего лица.
И долу, в мир вела дорога –
Исчезнуть, слиться и сгореть.
Земная смерть есть радость Бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть.

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и вновь найти...

1904–1905

Париж

В мастерской

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне, в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час... Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Отеняет линию щеки.
Мир теней погасших и поблеклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стеклах...
Мы – глаза таинственной земли...
Вглубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю:
Близко касаются головы наши,

Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.
Ночь придет. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укурю,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame.
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта –
Бледный лик царевны Таиах...

Осень 1905

Париж

Вослед

Мысли поют: «Мы устали... мы стынем...»
Сплю. Но мой дух неспокоен во сне.
Дух мой несется по снежным пустыням

В дальней и жуткой стране.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца.
Дух мой в России... Ведет Антигона
Знойной пустыней слепца.

Дух мой несется, к земле припадая,
Вдоль по дорогам распятой страны.
Тонкими нитями в сердце вращая,
В мире клубятся кровавые сны.

Дух мой с тобою уносится... Иней
Стекла вагона заткал, и к окну,
К снежной луне гиацинтово-синей
Вместе с тобою лицом я прильну.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца...
Горной тропой ведет Антигона
В знойной пустыне слепца...

Февраль 1906

Париж

«Как Млечный Путь, любовь твоя...»

Как Млечный Путь, любовь твоя

Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я –
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907
Петербург

In mezza di cammin...

Блуждая в юности извиистой дорогой,
Я в темный Дантов лес вступил в пути своем,
И дух мой радостный охвачен был тревогой.

С безумной девушкой, глядевшей в водоем,
Я встретился в лесу. «Не может быть случайна, –

Сказал я, – встреча здесь. Пойдем теперь вдвоем».

Но, вещим трепетом объят необычайно,
К лесному зеркалу я вместе с ней приник,
И некая меж нас в тот миг возникла тайна.

И вдруг увидел я со дна встающий лик –
Горящий пламенем лик Солнечного Зверя.
«Уйдем отсюда прочь!» Она же птичий крик

Вдруг издала и, правде снов поверя,
Спустилась в зеркало чернеющих пучин...
Смертельной горечью была мне та потеря.

И в зрящем сумраке остался я один.

16 мая 1907

Москва

III. Звезда Полюнь

Алекса́ндре Миха́йловне Петро́вой

«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

Сентябрь 1906

Богдановщина

«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»

Одилону Рэдону

Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.

1904

Париж

Кровь *Посвящение на книге «Эрос...»*

В моей крови – слепой Двойник.
Он редко кажется дымный лик, –
Тревожный, вещий, сокровенный.
Приникнул ухом... Где ты, пленный?

И мысль рванулась... и молчит.

На дне глухая кровь стучит...
Стучит – бежит... Стучит – бежит...
Слепой огонь во мне струит.
Огонь древней, чем пламя звезд,
В ней память темных, старых мест.
В ней пламень черный, пламень древний.
В ней тьма горит, в ней света нет,
Она властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.

Слепой Двойник! Мой Пращур пленный!
Властитель мне невнятных грез!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душевные принес?

Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаньям алых жал
Меня – Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?

1907

Петербург

Сатурн

М. А. Эртелю

На тверди видимой алмазно и лазурно

Созвездий медленных мерцает бледный свет.
Но в небе времени снопы иных планет
Несутся кольцами и в безднах гибнут бурно.

Пусть темной памяти источенная урна
Их пепел огненный развеяла как бред –
В седмичном круге дней горит их беглый след.
О, пращур Лун и Солнц, вселенная Сатурна!

Где ткало в дымных снах сознание-паук
Живые ткани тел, но тело было – звук,
Где лился музыкой, непознанной для слуха,

Творящих числ и воль мерцающий поток,
Где в горьком сердце тьмы стгушался звездный сок,
Что темным языком лепечет в венах глухо.

1907

Петербург

Солнце

Б. А. Леману

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе – истоку Дня –
Земля – свои цветы и я – слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

1907

Петербург

Грот нимф

Сергею Соловьеву

О, странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amor et dolori»⁶.
Из бездны хаоса, сквозь огненное море,
В пещеры времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь – тропа одним, другим дорога – горе.
И каждый припадет к сияющей амфоре,

⁶ Люби и страдай (*лат.*)

Где тайной Эроса хранится вещей мед.

Отмечен вход людей оливою ветвистой –
В пещере влажных нимф, таинственной и мгливой,
Где вечные ключи рокочут в тайниках,

Где пчелы в темноте слагают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

1907

Коктебель

Руанский собор ***Руан 24 июля 1905 г.***

Анне Рудольфовне Мицловой

1. Ночь

Вечер за днем беспокойным.
Город, как уголь, зардел,
Веет прерывистым, знойным,
Рдяным дыханием тел.

Плавны, как пение хора,

Прочь от земли и огней
Высятся дуги собора
К светлым пространствам ночей.

В тверди сияюще-синей,
В звездной алмазной пыли,
Нити стремительных линий
Серые сети сплели.

В горний простор без усилья
Взвились громады камней...
Птичьи упругие крылья –
Крылья у старых церквей!

1907

2. Лиловые лучи

О, фиолетовые грозы,
Вы – тень алмазной белизны!
Две аметистовые Розы
Сияют с горней вышины.

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз.

И я склоняюсь на ступени,
К лиловым пятнам темных плит,
Дождем фиалок и сирени
Во тьме сияющей облит.

И храма древние колонны
Горят фиалковым огнем.
Как аметист, глаза бессонны
И сожжены лиловым днем.

1907

3. Вечерние стекла

Гаснет день. В соборе всё поблекло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стекла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканые ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста,

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней – царственный янтарь,

Аметист – молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.

Тем, чей путь таинственно суров,
Чья душа тоскою осиянна,
Вы – цветы осенних вечеров,
Поздних зорь далекая Осанна.

1907

4. Стигматы

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещей вод...

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчелами свечей.
О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страдания, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа – как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы
На ладонях распростертых рук!

1907

5. Смерть

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко – в древнем храме
Вздых земли подъемлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди –
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, – вы огненные гвозди,

Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись, завеса в темном храме,
Разомкнись, лазерная твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни – огненная Смерть!

1907

6. Погребенье

Глубь земли... Источенные крипты.
Слышно пенье – погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир...

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не придя к конечному пределу

И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей – любовь мою сыновью
Я тебе незрячей отдаю
И свою солнечную кровь
Злое сердце мрака напою.

1907

7. Воскресенье

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях – высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор – первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скупенным,
По старинным плитам площадей,

Вижу я, идут отроковицами,
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей – невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усильями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

1907

Гностический гимн Деве Марии

Вячеславу Иванову

Славься, Мария!
Хвалите, хвалите
Крестные тайны
Во тьме естества!
Mula-Prasiti –
Покров Божества.

Дремная греза
Отца Парабрамы,
Сонная Майя,
Праматерь-материя!

Греза из грезы...
Вскрываются храмы.
Жертвы и смерти
Живая мистерия.

Марево-Мара,
Море безмерное,
Амог-Maria⁷ –
Звезда над морями!
Мерною рябью
Разбилась вселенная.
В ритме вскрывается
Тайна глубинная...
В пенные крылья
Свои голубиные
Морем овита,
Из влаги рожденная –
Ты Афродита –
Звезда над морями.

Море – Мария!

Майею в мире
Рождается Будда.
В областях звездных
Над миром царит.
Верьте свершителю
Вышнего чуда:

⁷ Любовь – Мария (лат.).

Пламя, угасшее в безднах,
Горит!..

Майя – Мария!

Майя, принявшая
Бога на крест,
Майя, зачавшая
Вечер – Гермеса.
С пламени вещей
Сверкающих звезд
Сорвана дня
Ледяная завеса.

Майя – Мария!

Мы в безднах погасли,
Мы путь совершили,
Мы в темные ясли
Бога сложили...

Ave Maria!

1907

Петербург

Киммерийские сумерки

Константину Феодоровичу Богаевскому

1. Полынь

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам – твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам – уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн – останутся во мне.

1907

«Петербург»

2

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный
Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и ораях.

Припаду я к острым щебням, к серым срываю размытых
гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный
Коктебель!

1907

Коктебель

3

Темны лики весны. Замутились влагой долины,
Выткали синюю даль прутья сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние горы.
Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам.

1907

4

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там – простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и иода.

1907

Коктебель

5

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?
Кто знает путь богов – начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щелби,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

1907

Коктебель

6

Равнина вод колыхается широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатую стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл золотое око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной,
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук –
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907

Коктебель

7

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней –
Пределы скорбные неизвестной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны –
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзання и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

1907

Коктебель

8. Mare Internum⁸

Я – солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град – Кадикс.
Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонился кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул, и зыбких взводней змеи,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.

Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,
И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

1907

⁸ Внутреннее море (лат.).

9. Гроза

Див кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, –
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1907

Коктебель

10. Полдень

Травую жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц –

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там – во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лика.

1907

11. Облака

Гряды холмов отусклил марный иней.

Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (всё выше, всё тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лёт разгневанных Эринний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на доли расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака – Ассуры.

1909

12. Сехмет

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам

Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто, с узкой грудью, с профилем гиены,
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распая.
И персть путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом отвечает земля.

1909

13

Сочилась желчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбко бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день – одна большая рана,
И вечер стал – запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.

В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

Август 1909

14. Одиссей в Киммерии

Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн всё глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синеет полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных роц
Раин и ив, где папоротник, хвоц

И черный тисс одели леса склоны...

Туда идем, к закатам темных дней
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907

Коктебель

«Зеленый вал отпрянул и пугливо...»

Зеленый вал отпрянул и пугливо
Умчался вдаль, весь пурпуром горя...
Над морем разлилась широко и лениво
Певучая заря.

Живая зыбь как голубой стеклярус.
Лиловых туч карниз.
В стеклянной мгле трепещет серый парус.
И ветер в снастях повис.

Пустыня вод... С тревогою неясной
Толкает челн волна.
И распускается, как папоротник красный,
Зловещая луна.

«Вещий крик осеннего ветра в поле...»

Вещий крик осеннего ветра в поле.

Завернувшись в складки одежды темной,
Стонет бурный вечер в тоске бездомной,
Стонет от боли.

Раздирая тьму, облака, туманы,
Простирая алые к Ночи руки,
Обнажает Вечер в порыве муки
Рдяные раны.

Плачьте, плачьте, плачьте, безумцы-ветры,
Над горой, над полем глухим, над пашней...
Слышу в голых прутьях, в траве вчерашней
Вопли Деметры.

1907

«Священных стран вечерние экстазы...»

Священных стран
Вечерние экстазы.
Сверканье лат
Поверженного Дня!
В волнах шафран,
Кольшутся топазы,
Разлит закат
Озерами огня.

Как волоса,

Волокна тонких дымов,
Припав к земле,
Синеют, лиловеют,
И паруса,
Что крылья серафимов,
В закатной мгле
Над морем пламенеют.

Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней...
О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей!..

1907

Осенью

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, –
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,

Веток свист.

Ветер клонит
Ряд ракиг,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекаги –
Поле мчит.

Воды мутит,
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там –
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морьям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прянет –
Вир встает,
Воды стянёт,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червлёный
Солнца диск –
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг...

1907

Коктебель

**«Над горестной землей –
пустынной и огромной...»**

Поликсене С. Соловьевой

Над горестной землей – пустынной и огромной,

Больной прерывистым дыханием ветров,
Безумной полднями, облитой кровью темной
Закланных вечеров, –

Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несешь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры – сторожа покинутой земли –
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд.

1907

«Возлюби просторы мгновенья...»

Ек. Ал. Бальмонт

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь,
Чтобы мигов легкие звенья
Не спаялись в трудную цепь.
Ах, как тяжело бремя свободы,
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете?
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылья
Живых вестей
Здесь, на развилии
Слепых путей.

Не зови того, кто уходит,
Не жалея о том, что прошло:
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит...
Позабудь и знак, и число.
Ах, как дики эти излоги!

Как грустна вечерняя муть!..
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь.

Край одиночества,
Земля молчания...
Сбылись пророчества,
Свершились чаянья.
Под синей схиною
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.

1908

Париж

IV. Алтари в пустыне

Александре Васильевне Гольштейн

«Станет солнце в огненном притине...»

Станет солнце в огненном притине,
Струйки темной потекут жары...
Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Дрём ветвей, пропитанных смолою,
Листья, мох и травы я сложу,
И огню, плененному землею,
Золотые крылья развяжу.

Вспыхнут травы пламенем багровым,
Золотисто-темным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий и пахучий дым.

Ты, Ликей! Ты, Фойбос! Здесь ты, близко!
Знойный гнев, Эйос, твой велик!
Отрок-бог! Из солнечного диска
Мне яви сверкающий свой лик.

Κλητιχοί⁹

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд развей!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей.

Ржут грифоны, клекчут птицы, блещут спицы колесниц,
Плещут воды, вторят доли звонким криком вешних птиц,
В дальних тучах быстро бьются крылья огненных зарниц.

Устья рек, святые рощи, гребни скал и темя гор
Оглашает ликованием всех зверей великий хор –
И луга, и лес, и пашни, гулкий берег и синь-простор.

У сокрытых вод Дельфузы славят музы бога сил;
Вещих снов слепые узы бременят сердца Сивилл;
Всходят зели; встали травы из утроб земных могил.

Ты – целитель! Ты – даятель! Отвратитель тусклых бед!
Гневный мститель! Насылатель черных язв и знойных лет!

Легких Ор святые хоры ты уводишь, Кифаред!

⁹ Призывы (др.-греч.).

Движешь камни, движешь сферы строем лиры золотой!
Порожденный в лоне Геи Геры ревностью глухой,
Гад Пифон у врат пещеры поражен твоей стрелой.

Листьем дуба, темным лавром обвивайте алтари,
В белом блеске ярых полдней, пламя алое, гори!
Златокудрый, огнеликий, сребролукий бог зари!

Ликодатель, возвестивший каждой твари: «Ты еси!»
Зорю духа, пламя лика в нас, Ликей, – не угаси!
Севы звезд на влажной ниве в стройный колос всколоси!

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд развей!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей!

Весна 1909

Коктебель

Дэнос

Сергею Маковскому

Оком мертвенным Горгоны
Обожженная земля:
Гор зубчатые короны,
Бухт зазубренных края.

Реет в море белый парус...
Как венец с пяти сторон –
Сизый Сирос, синий Парос,
Мирто, Наксос и Микон.

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель мойр и муз!
Налагатель откровений,
Разрешитель древних уз!

Сам из всех святынь Эллады
Ты своей избрал страной
Каменистые Циклады,
Дэлос знойный и сухой.

Ни священных рощ, ни кладбищ
Здесь не узрят корабли,
Ни лугов, ни тучных пастбищ,
Ни питающей земли.

Только лавр по склонам Цинта
Да в тенистых щелях стен
Влажный стебель гиацинта,
Кустик белых цикламен.

Но среди безводных кручей
Сердцу бога сладко мил
Терпкий дух земли горячей,
Запах жертв и дым кадил.

Дэлос! Ты престолом Фэба
Наг стоишь среди морей,
Воздымая к солнцу – в небо
Дымы черных алтарей.

1909

Дельфы

Стеснили путь хребтов громады.
В долинах тень и дымка мглы.
Горят на солнце Федриады
И клекчут Зевсовы орлы.

Величье тайн и древней мощи
В душе родит святой испуг.
Безгласны лавровые рощи,
И эхо множит каждый звук.

По руслам рвов, на дне ущелий
Не молкнет молвь ручьев седых.
Из язв земли, из горных щелей,
Как пар, встает туманный дых.

Сюда, венчанного лозою, –
В долину Дельф, к устам земли
Благочестивою стезею

Меня молитвы привели.

Я плыл по морю за дельфином,
И в полдень белая звезда
Меня по выжженным равнинам
Вела до змиева гнезда.

Но не вольна праматерь Гея
Рожать сынов. Пифон умолк,
И сторожат пещеру змея
Священный лавр, дельфийский волк.

И там, где Гад ползою мрачной
Темнил полдневный призрак дня,
Струей холодной и прозрачной
Сочится ископытъ коня.

И где колчан с угрозой звякал
И змея бог стрелой язвил,
Вещает праведный оракул
И горек лавр во рту Сивилл.

И ветвь оливы дикой место
Под сенью милостной хранит,
Где бог гонимого Ореста
Укрыл от гнева Эвменид.

В стихийный хаос – строй закона.
На бездны духа – пышность риз.

И убиенный Дионис –
В гробу пред храмом Аполлона!

1909

Призыв

У излучин бледной Леты,
Где неверный бродит день,
Льются призрачные светы,
Веет трепетная тень,

В белой мгле, в дали озерной,
Под наметом тонких ив,
Ты, гранатовые зерна
Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,
Плен одежд и трепет рук,
Темным золотом полудней
Осмугленный, знойный луг.

Но, собрав степные травы –
Мак, шалфей, полынь и чобр,
Я призывные отравы
Расточу меж горных ребр.

Я солью в сосуде медном

Жизни желчь и смерти мед,
И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечет.

Время сетью легких звений
Оплетет твой белый путь,
Беглым золотом мгновений
Опалит земную грудь,

И, припав к родному полю –
(Все ли травки проросли?), –
Примешь сладкою неволю
Жизни, лика и земли.

1908

Полдень

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.
В черно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоенных духом лаванды,
Темным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землей.

«Травы древних могил, мы взросли из камней и праха,
К зною из ночи и тьмы, к солнцу на зов возросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха,
Мертвые тайны земли.

В зное полдней глухих мы пьянеем, горькие травы.
Млея по красным холмам, с иссиня-серых камней,
Душный шлем фимиам – благовонья сладкой отравы –
В море расплавленных дней».

1908

«Сердце мира, солнце Алкиана...»

Сердце мира, солнце Алкиана,
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана –
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,
Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи
Пью алмазы влажной синевы!

1907

Коктебель

Созвездия

*Так силы небесные нисходят и всходят,
простирая друг другу золотые бады.*

Гёте

Звонят Весы и клонят коромысла.
Нисходит вниз, возносится бады...
Часы идут, сменяя в небе числа,
Пути миров чертя вкруг остия.

Струится ночь. Журчит и плачет влага.
Лады скользит вдоль темных берегов,
И чуток сон в водах Архипелага,
Где в море спят созвездья островов.

Гнездо Гиад... и гроздь огней – Плеяды...
Великий Воз и зоркий Волопас...
Свой правя путь чрез темные Циклады –
Какой пловец в уме не числил вас?

И ваш узор пред взором Одиссея
В иных веках искрился и мерцал,
И ночь текла, златые зерна сея,

Над лоном вод в дрожании зеркал.

И, ставя сеть у древних стен Хавона,
В тиши ночной видали рыбаки
Алмазный торс гиганта Ориона,
Ловца зверей, любовника зари.

Когда ж земля бессмертными иссякла,
Лишь глубже стал и ярче небосклон.
И Солнцу путь затмила тень Геракла,
И Зевс воздвиг на небе льдистый трон.

Все имена, все славы, все победы
Сплетались там в мерцаниях огней.
Над головой жемчужной Андромеды
Чертил круги сверкающий Персей.

В себе тая все летописи мира,
В ночах светясь внемирной красотой,
Златыми пчелами расшитая порфира
Струилась с плеч Ионии святой.

1908

Она

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы

От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она – забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца – Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц

Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

Июль 1909

Corona Astralis¹⁰

Елизавете Ивановне Дмитриевой

В мирах любви – неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, –
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, –

¹⁰ Звездная корона (*лат.*)

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изгнания,

Кто видит сны и помнит имена, –
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

Август 1909

Коктебель

Венок сонетов

1

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стожар –
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы, –

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, –
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но, странные, – его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь –

Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрыт нам путь проверенных орбит!

2

Закрыт нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, оставшие от роя!..
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, –
Явь наших снов земля не истребит!

3

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в дневном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей – разверстых на Фаворе –
Блеск близких солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнущих ночей, –
Полночных солнц к себе нас манят светы.

4

Полночных солнц к себе нас манят светы...
В колодцах труб пыливый тонет взгляд.

Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Бэты
Медведицы до трепетных Плеяд –
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел, –
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знания не потух.
Мы помним всё: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

5

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты...
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, –

Для нас во мгле слепые бродят светы,

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух... И память нас томит.

6

Наш горький дух... (И память нас томит...)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
В нем навий яд, могильные отравы.
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемей оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны, и мертвый лик Сатурна –
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушениях звезд рождалась мысль и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, –
В нас тлеет боль внежизненных обид!

7

В нас тлеет боль внежизненных обид.
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
Певучий дух, задушенный телами, –
Лаокоон, опутанный узлами
Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

8

Изгнанники, скитальцы и поэты, –
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...
У птиц – гнездо, у зверя – темный лог,
А посох – нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду –
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

9

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, –
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,

И запах тел, и шорохи растения, –
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света – Феб
Дает слепцам глубинные прозренья.
Скрыт в яслях Бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет –

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

10

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Видны края расписанной гробницы:
И Солнца челн, богов подземных лица,
И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
В реке плоты, спит зверь, выют гнезда птицы,
Так видит он из складок плащаницы

И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
Следить людей напрасные волненья,
Без темных дум, без мысли «почему?»»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
Вкусив покой, неведомый тому,
Кому земля – священный край изгнанья.

11

Кому земля – священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог –
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

12

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, приял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена,

Кто не пошел искать земной улады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Всё ж не извел родную тень со дна, –
Тому в любви не радость встреч дана.

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски – навеки одинокой,
Как зыбь морей пустынной и широкой, –
Он не отдаст. Кто оцет жаждал – тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

14

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий – нам.

Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы,
В себе несем свое изгнанье мы –
В мирах любви неверные кометы!

Август 1909

Коктебель

Selva Oscura¹¹

Лирика 1910–1914

I. Блуждания

«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах...
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохраняют всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся – ты слышишь пенье птицы?
Он жив – мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной –

¹¹ Темный лес (*ит.*).

Мой гроб не пуст...
Коснись единый раз, на миг единый
Устами уст.

«19 марта 1910 Коктебель»

«Судьба замедлила сурово...»

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...
Смирясь, я всё ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сторевшей собирал...
И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, –
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

«Февраль 1910 Коктебель»

«Себя покорно предавая сжечь...»

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.

Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смирняя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней – богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней – уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль – бессмертна жажда муки!

«20 марта 1910»

«С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы...»

С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы
Смолол незрелый колос твоей любви,
Познала ты тоску слепых дней,
Горечь расцвета и сладость смерти.

Стыдом и страстью в детстве ты крещена,

Для жгучей пытки избрана ты судьбой
И в чресла уголь мой тебе вжег
Неутолимую жажду жизни...

Не вольной волей ты подошла ко мне
И обнажила тайны ночной души,
И боль моя твою сожгла боль:
Пламя двойное сплелось, как змеи.

Когда глубокой ночью я в первый раз
Поверил правде пристальных глаз твоих
И прочитал изгиб твоих губ –
Древние двери в душе раскрылись.

И не на счастье нас обручил рассвет,
И не на радость в жизнь я призвал тебя,
И впредь отдельных нам путей нет:
Два осужденных с единой цепью.

«Март 1910»

«Пурпурный лист на дне бассейна...»

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, –
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам –
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

«26 января 1910 Петербург»

«В неверный час тебя я встретил...»

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог –
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрек.

И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске влекла,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы совершили.

Не верил в чудо смерти жрец.
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.

1910

«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты, как я,
Что мы в кольце одной неволи
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи...
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

3 декабря 1910 Москва

«Обманите меня... Но совсем, навсегда...»

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать, зачем, чтоб не помнить, когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти, в темноте, наобум...
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

1911

«Мой пыльный пурпур был в лоскутьях...»

Мой пыльный пурпур был в лоскутьях,
Мой дух горел: я ждал вестей,
Я жил на людных перепутьях,
В толпе базарных площадей.
Я подходил к тому, кто плакал,
Кто ждал, как я... Поэт, оракул –

Я толковал чужие сны...
И в бледных бороздах ладоней
Читал о тайнах глубины
И муках длительных агоний.
Но не чужую, а свою
Судьбу читал я в снах бездомных
И жадно пил из токов темных,
Не причащаясь бытию.
И средь ладоней неисчетных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках четных
С моей бы совпадал рукой.

«8 февраля 1913 Москва»

«Я к нагорьям держу свой путь...»

Я к нагорьям держу свой путь,
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами –
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле

Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессильи?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

9 июля 1913 Коктебель

«„К тебе я пришел через воды...“

«К тебе я пришел через воды, –
Пернатый, гудящий в стремленьи».
– Не жившим не надо свободы...

«Рассек я змеиные звенья,
Порвал паутинные сети...»
– Что в жизни нежнее плененья?

«Скорее, мы будем как дети
Кружиться, цветы заплетая...»

– Мне, смертной, нет места на свете...

«Затихла зеркальность морская...

Вечерние лебеди ясны,

Кренится бадья золотая...»

– Как наручни смерти прекрасны!

«Февраль 1915 Париж»

«Я глазами в глаза вникал...»

Я глазами в глаза вникал,
Но встречал не иные взгляды,
А двоящиеся анфилады
Повторяющихся зеркал.

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг...
Но мгновенно плененный лик
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, – узнав, – забыть...
Но в стремлении нет забвенья.
Чтобы вечно сгорать и быть –
Надо рвать без печали звенья.

Я пленен в переливных снах,
В завивающихся круженьях,

Раздробившийся в отраженьях,
Потерявшийся в зеркалах.

«7 февраля 1915 Париж»

«Я быть устал среди людей...»

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь, мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Растущим за спиною, глухо;
Как будто грязи едкой вкус
И камня подлого укус
Мне не привычны, не знакомы...
Но чувствовать еще больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюднеет душа
И замирает, не дыша,
Клубами жертвенного дыма.

«8 июля 1913»

«Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата;

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой.
Пускай другим он чужд... я не зову с собой,
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое – со мной. Минувшего не жаль.
А ты, кто за плечом, – со мною тайно схожий,
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

7 февраля 1913 Коктебель»

«Ступни горят, в пыли дорог душа...»

Ступни горят, в пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
– Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни.
И слушай, не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

«Январь 1910»

«И было так, как будто жизни звенья...»

И было так, как будто жизни звенья
Уж были порваны... успокоенье
Глубокое... и медленный отлив
Всех дум, всех сил... Я сознавал, что жив,
Лишь по дыханью трав и повилики.
Восход луны встречали чаек клики...
А я тонул в холодном лунном сне,
В мерцающей лучистой глубине,
И на меня из влажной бездны плыли
Дожди комет, потоки звездной пыли...

«5 июля 1913»

«Я, полуднем объятый...»

Я, полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном.

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны –
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны.

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910 Коктебель»

«Дети солнечно-рыжего меда...»

Дети солнечно-рыжего меда
И коричнево-красной земли –
Мы сквозь плоть в темноте проросли,
И огню наша сродна природа.
В звездном улье века и века
Мы, как пчелы у чресл Афродиты,
Вьемся, солнечной пылью повиты,
Над огнем золотого цветка.

«Январь 1910»

Надписи

1

Еще не отжиты связавшие нас годы,
Еще не пройдены сплетения путей...
Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды,
Любовь и ненависть текут в душе моей.

2

В горькой купели земли крещены мы огнем и тоской,

Пепел сожженной любви тлеет в кадилънице дня.

3

Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней, –
Сблизятся две головы – три отразятся в воде.

1910

«Я верен темному завету:...»

Я верен темному завету:
«Быть всей душой в борьбе!»
Но змий,
Что в нас посеял волю к свету,
Велев любить, сказал: «Убий».
Я не боюсь земной печали:
Велишь убить, – любя, убью.
Кто раз упал в твои спирали –
Тем нет путей к небытию.
Я весь – внимающее ухо.
Я весь – застывший полдень дня.
Неистошимо семя духа,
И плоть моя – росток огня:
Пусть капля жизни в море канет –

Нерастворимо в смерти «Я»,
Не соблазнится плоть моя,
Личина трупа не обманет,
И не иссякнет бытие
Ни для меня, ни для другого:
Я был, я есмь, я буду снова!
Предвечно странствие мое.

«11 июля 1910 Коктебель»

«Замер дух – стыдливый и суровый...»

Замер дух – стыдливый и суровый,
Знанием новой истины объят...
Стал я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина –
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятие земных вериг –
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

18(5) января 1912 Париж

Пещера

Сперва мы спим в пурпуровой Пещере,
Наш прежний лик глубоко затая:
Для духов в тесноту земного бытия
Иные не открыты двери.

Потом живем... Минуя райский сад,
Спешим познать всю безысходность плоти:
В замок влагая ключ, слепые, в смертном поте,
С тоской стучимся мы назад...

О, для чего с такою жадной грустью
Мы в спазмах тел палящих ищем нег,
Устами льнем к устам и припадаем к устью
Из вечности текущих рек?

Нам путь закрыт к предутренней Пещере:
Сквозь плоть нет выхода – есть только вход.
А кто-то за стеной волнуется и ждет...
Ему мы открываем двери.

Не мы, а он возжаждал видеть твердь!
И наша страсть – полет его рожденья...
Того, кто в ласках тел не ведал утоленья,

Освобождает только смерть!

«12–13 сентября (30–31 августа) 1915

Биарриц»

Материнство

Мрак... Матерь... Смерть... Созвучное единство...

Здесь рокот внутренних пещер...

Там свист серпа в разрывах материнства:

Из мрака – смерч, гуденье дремных сфер.

Из всех узлов и вязей жизни – узел

Сыновности и материнства – он

Теснее всех и туже напряжен,

Дверь к бытию Водитель жизни сузил.

Я узами твоих кровей томим,

А ты, о мать, – найду ль для чувства слово?

Ты каждый день меня рождаешь снова

И мучима рождением моим.

Кто нас связал и бросил в мир слепыми?

Какие судьбы нами расплелись?

Как неотступно требуешь ты: «Имя

Свое скажи мне! Кто ты? Назовись».

Не помню имени, но знай, не весь я

Рожден тобой, и есть иная часть,
И судеб золотые равновесья
Блюдет вершительная власть.

Свобода и любовь в душе неразделимы,
Но нет любви, не налагавшей уз.
Тягло земли: двух смертных тел союз.
Как вихри, мы сквозь вечности гонимы.

Кто, возлюбив другого для себя,
Плоть возжелал для плоти, без возврата,
Тому в свершении – расплата:
Через нас родятся те, кого, любя,

Связали мы желаньем неотступным.
Двойным огнем ты очищалась, мать!
Свершая всё, что смела пожелать,
Ты обняла в слиянии целокупном

В себе самой возлюбленную плоть.
Но как прилив сменяется отливом –
Так с этих пор твой каждый день Господь
Отметил огненным разрывом.

Дитя растет, и в нем растет иной,
Не женщиной рожденный, непокорный,
Но связанный твоей тоской упорной,
Твоею вязью родовой.

Я знаю, мать, твой каждый час – утрата,
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
Затем что в ней самой награда и возврат.

5 октября 1917 Коктебель»

«Отроком строгим бродил я...»

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках, в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,

Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещей ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет;
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

1911

«Склоняясь ниц, оваян ночи синью...»

Склоняясь ниц, оваян ночи синью,
Доверчиво ищущи губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать-земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли
Благодарю.

7 ноября 1910

II. Киммерийская весна

«Моя земля хранит покой...»

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденный.
Здесь каждый след сожжен тоской,
Здесь каждый холм – порыв стесненный.

Я вновь пришел к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.

Всё так же пуст Эвксинский Понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текучий, гулкий и лиловый.

9 февраля 1910 Коктебель»

«Седым и низким облаком дол повит...»

Седым и низким облаком дол повит...

Чернильно-сини кручи лиловых гор.
Горелый, ржавый, бурый цвет трав.
Полосы иода и пятна желчи.

В морщине горной, в складках тисненных кож
Тускнеет сизый блеск чешуи морской.
Скрипят деревья. Вихрь траву рвет,
Треплет кусты и разносит брызги.

Февральский вечер сизой тоской повит.
Нагорной степью путь мой уходит вдаль.
Жгутами струй сечет глаза дождь.
Северный ветер гудит в провалах.

«Февраль 1910 Коктебель»

«К налогам гор душа влекома...»

К налогам гор душа влекома...
Яры, увалы, ширь полей...
Всё так печально, так знакомо...
Сухие прутья тополей,
Из камней низкая ограда,
Быльем поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На темных глыбах плантажа,
Лучи дождя, и крики птички,
И воды тусклые вдали,

И это горькое величье
Весенней вспаханной земли...

«12 февраля 1910 Коктебель»

«Солнце! Твой родник...»

Солнце! Твой родник
В недрах бьет по темным жилам...
Воззывающий свой лик
Обрати к земным могилам!

Солнце! Из земли
Руки черные простерты...
Воды снежные стекли,
Тали в поле ветром стерты.

Солнце! Прикажи
Виться лозам винограда.
Завяжь почек развяжи
Властью пристального взгляда!

«14 февраля 1910»

«Звучит в горах, весну встречая...»

Звучит в горах, весну встречая,

Ручьев прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами белых свеч.
А на полянах влажно-мшистых
Средь сгнивших за зиму листов
Глухие заросли безлистных
Лилово-дымчатых кустов.
И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

«16 февраля 1910 Коктебель»

«Облака клубятся в безднах зеленых...»

Облака клубятся в безднах зеленых
Лучезарных пустынь восхода,
И сбегают тени с гор обнаженных
Цвета роз и меда.
И звенит, и блещет белый стеклярус
За Киик-Атламой костистой,
Плещет в синем ветре дымчатый парус,
Млеет след струистый,
Отливают волны розовым гляncем,
Влажные выгибая гребни,
Индевет берег солью и сланцем,
И алеют щелки.

Скрыты горы синью пятен и линий –
Переливами перламутра...
Точно кисть лиловых бледных глициний,
Расцветает утро.

«21 февраля 1910 Коктебель»

«Над синевой зубчатых чаш...»

Над синевой зубчатых чаш,
над буро-глинистыми лбами,
июньских ливней темный плащ
клубится дымными столбами.
Веселым дождевым вином,
водами, пьяными, как сусло,
и пенно-илистым руном
вскипают жаждущие русла.
Под быстрым градом звонких льдин
стучат на крышах черепицы,
и ветки сизые маслин
в испуге бьют крылом, как птицы.
Дождь, вихрь и град – сечет, бьет, льет
и треплет космы винограда,
и рвется под бичами вод
кричащая Гамадриада...
И пресных вод в песке морском
встал дыбом вал, ярься и споря,
и желтым ширится пятном

в прозрачной прозелени моря.

«13 июня 1913»

«Сквозь облак тяжелые свитки...»

Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.

Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам,
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,

Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Все шире, всё шире, всё шире
Развертывается прибой.

«18 ноября 1919 Коктебель»

«Опять бреду я босоногий...»

Опять бреду я босоногий,
По ветру лоснится ковыль.

Что может быть нежней, чем пыль
Степной, разъезженной дороги?

На бурый стелется ковер
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор.

Соленый ветер в пальцах вьется,
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца.

«16 ноября 1919 Коктебель»

«Твоей тоской душа томима...»

Твоей тоской душа томима,
Земля утерянных богов!
Дул свежий ветр... мыплыли мимо
Однообразных берегов.

Ныряли чайки в хлябь морскую,
Клубились тучи. Я смотрел,
Как солнце мечет в зыбь стальную
Алмазные потоки стрел,

Как с черноморскою волной

Азова илистые воды
Упорно месит ветер крутой
И, вестник близкой непогоды,

Развертывает свитки туч,
Срывает пену, вихрит смерчи,
И дальних ливней темный луч
Повис над берегами Керчи.

«1913»

«Заката алого заржавели лучи...»

Заката алого заржавели лучи
По склонам рыжих гор... и облачной галеры
Погасли паруса. Без края и без меры
Растет ночная тень. Остановись. Молчи.

Камень зноем дня во мраке горячи.
Луга полынные нагорий тускло-серы...
И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

«1913 Коктебель»

«Ветер с неба ключья облак вытер...»

Ветер с неба ключья облак вытер,
Синим оком светит водоем,
Желтою жемчужиной Юпитер
Над седым возносится холмом.

Искры света в диске наклоненном –
Спутники стремительно бегут,
А заливы в зеркале зеленом
Пламена созвездий берегут.

И вблизи струя звенит о камень,
А внизу полет звенит цикад,
И гудит в душе певучий пламень
В вышине пылающих лампад.

Кто сказал: «Змеею препояшу
И пошлю»? Ликуя и скорбя,
Возношу к верховным солнцам чашу,
Переполненную светами, – себя.

20 июня 1917

Карадаг

«Преградой волнам и ветрам...»

Преградой волнам и ветрам

Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неумной дрожью,
Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером – один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым, –
Взметнулись вихри древних сил:
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров –
Самофракийская Победа!

«14 июня 1918»

«Над черно-золотым стеклом...»

Над черно-золотым стеклом,
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом

Сторожевые изваянья,
Войди под стрельчатый намёт,
И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и в пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря – безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

«17 июня 1918»

«Как в раковине малой – Океана...»

Как в раковине малой – Океана
Великое дыхание гудит,

Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, –
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой –
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.